

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД **4(40)/2013**

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Н.Г. Шахова

“I Really Doubt if I Apply my Abilities.”

Российская практика письменного перевода
на иностранные языки

Р.В. Алымов

Требуется ли согласие переводчика
на аудиозапись устного перевода?

А.Р. Станиславский

Не словарем единым... или Немного о переводе
стадий проектирования в строительстве

Д.В. Хороненко

Генеалогия сказки: История Мурзилки
и Незнайки

Устный перевод глазами тренера

А. Фалалеев

В публикациях на темы устного перевода принято говорить о теоретиках (переводоведах) и практиках, забывая при этом – или даже искренне не подозревая, – что между теми и другими стоит тренер. Он знаком с аргументацией обеих сторон, со всеми обидами и взаимными претензиями, но, оставаясь при этом нейтральным, не примыкает ни к одной из сторон, в спорах не участвует, а занимается своей тренерской работой.

С точки зрения тренера, устный перевод это сумма навыков, каждый из которых отрабатывается часами по строго заданным моделям и в определенной последовательности.

Преподаватель идет от теории к практике, от объяснения явления к пониманию этого явления студентами. Поняли, разобрали десяток-другой примеров, переходим к следующему явлению. Тренер же идет от понимания (за счет небольшой демонстрации) к отработке. Минимальное количество часов на отработку более легких приемов – два часа, более сложных – четыре или больше. Приемы отрабатываются на скорости, в кабинах.

Вот как выглядит тренерская работа.

Самое первое занятие (о тренировках речь пойдет дальше):

Больше всего в русском и английском словосочетаний, состоящих из двух слов, обычно из прилагательного и существительного. Я прошу студентов раскрыть блокноты и приготовиться записать – и тут же перевести письменно на английский – десять таких словосочетаний на русском:

1. декоративная косметика
2. сказочное богатство
3. постоянный комитет
4. конная полиция
5. морская карта
6. почтовый голубь
7. танковая рота
8. пожарная машина
9. московские бандиты
10. глубинная бомба

Все всё перевели, мы приступаем ко второй диктовке, тоже короткой, на 10 слов. Только теперь это прилагательные. Задание такое же: записать и тут же перевести письменно:

пушистый
легкий
тонкий
и т.д.

Диктовки закончились, и я читаю вслух английские эквиваленты, а студенты их записывают рядом со своими переводами:

Подготовка переводчика

1. color cosmetics
2. fabulous wealth
3. standing committee
4. mounted police
5. sea chart
6. homing pigeon
7. tank company
8. fire engine
9. Moscow gangsters
10. depth charge

Некоторые ничего не записывают. Естественно. Они в шоке. Процент совпадений в вариантах переводов крайне мал или, как бывает чаще всего, совпадений просто нет.

“Decorative cosmetics” из их блокнотов это не английский язык и не перевод, а просто подстановка слов... И “fairy-tale richness” из той же серии, и т.д.

Если вам очень повезет, и у вас сильная группа, тогда никому и в голову не придет напомнить вам, чтобы вы прочитали эквиваленты и для второй диктовки.

Опыт есть, моя задача выполнена, я застал студентов врасплох. Вот теперь можно объяснить, за счет чего мне это удалось. Начинаем с новых для них терминов.

«Мертвая пара» означает, что у переводчика в сознании застрял один эквивалент для одного слова второго языка. Меняется интонация говорящего, в каких-то случаях слово оказывается частью идиомы, меняется тема, контекст — для него это все неважно. Для него “equipment” всегда и везде будет только «оборудованием».

«Латинизмы» (заимствования, в большинстве случаев пришедшие из латыни через другие языки в русский). Начинающему переводчику они представляются лучшими друзьями, тем, за что можно уцепиться в потоке слов выступающего. На самом деле, ничего более опасного для устного переводчика нет.

Из того и другого и состоит первая диктовка.

Если группа сильная, в какой-то момент, когда я даю вторую диктовку, кто-то перестает записывать. Сообразил, что ни одно из этих слов нельзя перевести, пока нет хоть крошечного контекста, хотя бы контекста, состоящего из второго слова. А что же тогда записывают те, кому это еще не открылось? Они записывают «мертвые пары». Для них «пушистое облако» (“puffy cloud”) это “fluffy cloud”, потому что для них «пушистый» = “fluffy”. Всегда.

Тренер — категорически не преподаватель. Тренер никогда не идет от теории к практике — только от опыта к опыту, от моего опыта к их опыту. Опыт не передается никакими лекциями и объяснениями, это знания так передаются. Как тренер, я просто создаю ситуацию, а студенты, оказавшись в этой ситуации, обретают свой собственный опыт. У каждого тренера своя методика; «моя» взята из школы Чань (дзен) и китайских боевых искусств (ушу). То, что вы видели сейчас, — это метод провокации в действии.

Теперь о тренировках.

Я сажаю студентов в кабины, называю модель, по которой мы будем работать (прилагательное + существительное), и начинается первая тренировка.

Я читаю в микрофон: «Зеленое яблоко», делаю паузу, студенты переводят, слышу в наушниках: “green apple”, говорю: “green apple”, студенты повторяют: “green apple”.

Я говорю в микрофон: «серый кардинал», делаю паузу, слышу в своих наушниках: “grey cardinal”, говорю: “grey eminence”, студенты повторяют: “grey eminence”. Кратко объясняю, что это значит, чтобы ни в коем случае не было тупого заучивания.

Какая связь между яблоком и кардиналом? Никакой. Метод провокации. И никто не догадается, что

возникнет у него в наушниках через несколько секунд. Так нарабатывается мгновенная реакция, сосредоточенность, точность, идиоматичность. И так же пере-проверяются эквиваленты, вычищаются негодные, выравниваются языки, усваиваются необходимые в работе словосочетания. Количество пар, которое мне необходимо прокачать через студентов, — восемь тысяч. Если группа очень сильная — тогда поменьше, тысяч шесть или семь.

Еще одна модель: «X — 1»

Название означает, что по-русски будет несколько слов, а перевести каждое словосочетание на английский нужно одним словом. Никакие другие, даже правильные, варианты перевода не принимаются. Работаем четыре часа, пауза на перевод три секунды.

Успеют студенты сообразить, что «электрическая схема» это не “electrical scheme”, а “circuitry”, что «сила тяжести» это “gravity”, а не какая-нибудь “force of heaviness”, что «церковная скамья» это “pew”, а не “church bench”? На первом этапе бессмысленная подстановка слов — это норма. Ничего страшного, пусть на себе в очередной раз испытают, что такое «гипноз» (гипнотическое влияние языка оригинала на начинающего устного переводчика), ужаснутся тому, как этот гипноз силен, и осознают, что единственный способ ему противодействовать, — а затем сквозь него прорваться на свободу, — это довести навыки до автоматизма. Так и идем, от анализа к интуиции, от рационального к иррациональному, от тупой подстановки слов к искусству.

Нет, я говорю не только про буквализм. Буквализм это всего лишь частное проявление гипноза. А таких проявлений много. Студенты перевели «Мраморное море» (“the Sea of Marmara”) как “Marble Sea”, или «коттеджный поселок» (“gated community”) как “cottage town”?

Эти проблемы устраняются очень просто, за счет других упражнений.

Сложнее, когда будущий переводчик подпадает под гипноз «стрелок». То, что он их «видит» в поступающих в наушники фразах, замечательно. Теперь надо еще, чтобы не возникало подсознательного желания найти во втором языке эквивалент, в котором «стрелки» смотрят в ту же сторону. А это намного сложнее, особенно, когда у вас всего несколько секунд.

Пример: “The city is under undeclared martial law”. Студент «видит» «стрелку» — “martial law” сверху, “the city” под ним; «стрелка» идет сверху, от “martial law” вниз, на “the city” — и ищет вариант перевода с такой же по направленности «стрелкой».

Еще один пример: “After the Tiananmen Square crackdown in 1989...”. В слове “crackdown” студент воспринимает “down” как «стрелку», идущую сверху вниз. И ищет русский эквивалент с такой же по направленности «стрелкой». В результате заминка, мычание или просто пауза. Насколько я могу судить, эта проблема проявляется только при работе на скорости, с очень небольшой паузой на перевод.

Значит, следующая тренировка будет на «стрелки», на то, как их либо поворачивать, либо убирать. Прокачайте через своих студентов примеров 400, и проблема исчезнет.

Для того чтобы студенты хотели учиться, они должны не бояться чего-либо не знать или неправильно перевести. Как только они убеждаются, что никакой критики — и тем более, наказаний, — не будет, а правильный эквивалент они получают всего через несколько секунд, они тут же с восторгом включают в работу.

Любые критические замечания приведут лишь к тому, что у них просто руки опустятся. Студент и так уже в

ужасе от своего невежества, от убогого родного языка и позорного подчас иностранного. Он теперь готов заниматься часами именно потому, что это для него самый быстрый способ (и последняя возможность перед выходом на рынок) обрести знания, подтянуть свои языки и значительно поднять свой уровень общей культуры. О важности приемов он пока не задумывается. Не до того.

Задача тренера очень жестко и всего один раз показать, что каждое идущее на студентов словосочетание – это удар. Первейший навык любого бойца – не оказаться на траектории удара. «Каминные часы» – это именно удар, удары часто идут один за другим, за этими часами обязательно появятся «консольные часы». И «напольные часы». И много других. Потяните за кончик этой ниточки, не дайте никаким часам застать вас врасплох.

Студент, который не смог перевести «каботажное плавание» – он не понял, о чем идет речь, – или потянет дома за эту ниточку, или буквально на следующей тренировке в его наушниках возникнет «лихтерное судоходство», а следом еще три-четыре подобных словосочетания из той же темы.

Нет, это не жестокость (студенты называют это «фейсом об тейбл»), это просто сегодняшний американский эквивалент – “You better sweat here than bleed on the street,” – известного высказывания Суворова. Одной такой встряски студентам хватит на долгие годы. И никаких домашних заданий давать не придется. Каждый сам быстро сообразит, за какую ниточку ему тянуть. Да, заданий на дом нет, а вот домашней работы очень много.

В первой диктовке было слово «рота» (№7). Если в группе есть девушки, то, скорее всего, они не знают, как сказать «рота» по-английски. Им самим

решать, пора уже потянуть за эту ниточку или еще можно подождать. Да, вы догадались, чего они дождутся буквально на следующей тренировке.

Еще одна модель.

Одна из основных проблем начинающего переводчика это многословие, а при переводе на английский – большое количество ненужных “of”.

«Водитель грузовика» это, действительно, “a driver of a truck”, только мы из двух слов получили пять. К чему это приведет при работе с выступлениями? Переводчик начнет путаться в словах, отставать, пропускать целые куски выступления, пытаться догнать докладчика и т.д. Теперь представьте себе, что от этого переводчика – от качества его перевода на английский, – зависят другие кабины (арабская, испанская, китайская и др.).

Чтобы подобных проблем не возникало, дается несколько примеров:

водитель грузовика – truck driver
лезвие бритвы – razor blade
рынок облигаций – bond market
покупка Луизианы – Louisiana purchase

На отработку этого навыка обычно более четырех часов не требуется, это одно из самых легких упражнений.

Следующая модель.

Задача этой тренировки – научить студентов распознавать словосочетания из трех слов, которые переводятся в обратной последовательности. Демонстрируется несколько примеров:

система подачи топлива – fuel feed system
клапан регулировки давления – pressure control valve
чертежи расположения оборудования – equipment layout drawings

Тренировка продолжается четыре часа, пауза – 3 секунды. И так модель за моделью, прием за приемом. Что это

дает? Студенты потом, когда мы доходим до работы с выступлениями, мгновенно распознают такие конструкции и легко их переводят. Думать не приходится.

И последний пример.

Посмотрите, пожалуйста, на эти словосочетания:

завод по производству спирта из
кукурузы
теоретические основы вычислительной
техники
добыча полезных ископаемых в океане

Начинающий устный переводчик должен отрабатывать приемы именно по моделям. Если дать ему свободу на этом этапе, он переведет эти примеры, но так, что количество слов в переводе окажется больше, чем в оригинале, а перевод будет неточным и неидиоматичным. А любое из этих словосочетаний переводится на английский всего двумя словами: *corn distillery*, *computer science*, *ocean mining*.

Модель называется «X – 2», две тренировки по 4 часа каждая, пауза три секунды. Результат такой же, как и в предыдущем упражнении: при переводе выступлений на большой скорости студенты либо знают готовый эквивалент

(8 часов – это почти две тысячи таких примеров), либо мгновенно и легко сами его создают.

Ни один тренер, скажем, по настольному теннису, не допустит к игре новичка, не освоившего основных приемов. И в горнолыжном спорте тот же подход. И в восточных единоборствах. Везде. Не допустить травматизма – одна из первых задач тренера. А такие критерии, как выносливость, моментальная реакция (а позднее «опережающая реакция»), полнота внимания, точность, безупречность выполнения приемов и т.д. – все это давно и блестяще разработано в китайских школах боевых искусств (ушу). И тренер, естественно, всем этим богатством пользуется. И для тренера устный перевод имеет очень мало общего с другими видами перевода. Для него это, скорее, разновидность ушу.

Поэтому в устном переводе тренер не допустит студентов до работы с записями выступлений, пока не убедится, что все составные части, из которых и складывается выступление, ими отработаны. И вот тогда уже можно переходить к самому главному: к работе на скорости.

Исторический музей со стр. 20

II. Мудрецам и не снилось

Прекрасным примером тому, что такое стандартизация при переводе, может служить эпиграф к циклу замечательного публициста и беллетриста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) «Удивительные рассказы»:

Есть много такого, друг Горацио, чего мы не понимаем.

Шекспир в переводе московской барышни

 см. стр. 77